

Современная проза

Владимир НИКИФОРОВ

В РОДНОМ ПОСЁЛКЕ

Повесть

Позвонила сестра; у меня возникло ощущение, что Полина говорит сквозь стиснутые зубы. О них, кстати, и пошла речь:

– Ты знаешь (она любой телефонный разговор начинает с этих слов), я на старости лет взялась лечить зубы, и дай бог, чтобы к первому сентября закончить. Так что к родителям я не смогу поехать...

– Давай попозже съездим...

– Да ты знаешь, как выйду на работу, у меня дыхания не будет. Так что съезди один, поклонись от всех нас, цветочки положи, фотографии сделай...

Полина держится за свои полставки школьного врача изо всех сил, и дело, конечно же, не только в деньгах, а возраст все-таки есть возраст, хотя никто не даст этой энергичной молоджавой женщине ее истинных шестидесяти с большим гаком... Я тоже стараюсь держаться: и за свои полторы, и в форме физической, хожу пешком и на работу – с работы, и на дачу добираюсь сам, с сорокаминутной прогулкой по сосновому бору... Сердце тренирую, а после звонка Полины подумал вдруг, что, кроме сердца, есть еще в организме много чего, и откуда гром грянет, даже Полина с ее медицинским образованием и сорокапятилетней практикой не знает.

Что ж, надо ехать. Родители наши умерли с интервалом в пять лет, но в одном и том же возрасте, чуть перевалив восьмидесятилетний рубеж, и оба в кон-

це августа, с разницей в два дня. И в этом году сплошные «юбилеи»: отцу сто, матери – девяносто пять, а после их кончины прошло двадцать и пятнадцать...

Машины у меня своей нет, зато детей автотранспортом обеспечил. Выехали с сыном рано утром, взяли лопаты, чтобы можно было подровнять могилки, и полиэтиленовые мешки, чтобы по пути набрать песочку... День конца августа разгорался все жарче, но в машине было прохладно, а сын не злоупотреблял, как обычно, Григорием Лепсом, которого их поколение наивно считает «наследником» Высоцкого. Через четыре часа оказались вдаль белые башни колоколен. Райцентр, старинный городишко с пристанью, что в детстве казался мне, шкиперскому сыну, мечтой, чуть ли не сказкой, и сколько раз потом я мечтал походить по нему с фотоаппаратом, зайти в музей, попить местного пива, славящегося на всю округу, проскочили в одно мгновение, я увидел лишь пустой берег и пустой рейд, а какая жизнь кипела на этой пристани полсотни лет назад! Здесь наш лихтер останавливался перед тем, как идти на север: укрупняли состав, запасались продуктами. Меня родители редко брали с собой на берег, и я видел этот город только издали... Одними из последних въехали на паром, тут же подняли аппарат и сваю-якорь; я вышел из машины, подошел к борту баржи. Правый, «наш» берег, с темными домами и забо-

рами, приближался неожиданно быстро. Село это стояло как раз на полпути между райцентром и моим поселком, и в те далекие годы, когда ходил по этому маршруту катер «Кузнец», все знали, что если едем в райцентр, то остается еще целый час, а когда домой – всего лишь полчаса. Помнится, в десятом, после выпускного, не стали утром расходиться по домам, а поехали первым, шестичасовым рейсом в райцентр, а там еще городские выпускники гуляют... Через год я прибежал на пристань с автобуса в старом штапельном плаще и с рюкзаком, в котором были все мои пожитки, в основном книги, «Кузнец» уже ушел последним рейсом, но мне повезло: в наш поселок отправлялся рейдовый катер, и я спрыгнул на его палубу....

1

Дом наш на тихой окраинной улице первую половину лета простоял заколоченным. Я приехал в июле, на улицах было пусто и скучно: летом почти все взрослое население уходит в плавание. В затоне с шумом и лязгом работала землечерпалка, коротыш-буксир таскал от нее шаланды с грунтом. Вечерами парни с этих судов собирались в столовой, и редкий вечер проходил без драки между «береговыми» и «техучастокскими».

День приезда я посвятил уборке в доме, а потом целую неделю ездил на велосипеде за поселок, где нашел великолепный пляж, и проводил время в одиночестве: купался, загорал, жег костер, чтобы дымом отогнать комаров. На закате возвращался домой и жарил на плитке яичницу, благо, среди немногочисленных запасов оказался целый пакет яичного порошка. Последним днем моей привольной жизни было воскресенье. Стоялзной, стрекотали моторки, плыли по реке лодки-илимки, пышно нагруженные свежим сеном, и мне казалось, я чувствую его сухой и теплый запах. В тот день я был на пляже не один: недалеко купались две девчушки, видимо, сестры; старшей было лет шестнадцать, по виду приезжие, городские. Поначалу они стойко переносили комариную атаку, потом попросили у меня спичек и стали разводить костер. Смотреть на них в это время было забавно. Младшая, очень полная, живая, в купальной шапочке, делавшей ее лицо идеально круглым, суешилась, вырывала из рук старшей спички, кричала на ту, что она ничего не умеет делать, и гнала прочь от костра. Старшая отошла в сторону и издала улыбку мне: «Что, мол, с нее возьмешь?»

Костер у них долго не загорался. Я по-

дошел и предложил помощь. Младшая неожиданно легко отдала мне спички. Я разжег им костер, младшая тут же стала заваливать слабый огонек хворостом, потом убежала на поиски топлива. Можно было пойти к своему костру, но я медлил.

– Забавная у вас сестра, – сказал я.

– Вреднющая, – возразила девушка, – и совсем меня не слушается.

Сестра скатилась сверху с охалкой хвороста, дурашливо крича: «Ой, мамочка, не могу! Ой, заели комарики!»

– Ага, Галишна! – сказала она, вываливая несколько хворостин на песок. – Теперь твоя очередь идти. Пусть тебя тоже покусает!

– Больше всего хвороста у воды, – сказал я. – Пойдемте, покажу.

И мы пошли с Галей вдоль берега вниз по течению, туда, где у самой воды начинались кусты, в которых запутались припльвшие по большой воде сучья, коряги, ветки, теперь совсем сухие, хрупкие. Мы свалили хворост возле костра и не могли удержаться от смеха, взглянув друг на друга, а потом каждый на себя.

– Татуировка людоедов, – сказал я. – Даже смывать жалко.

Мы вошли с Галей в воду, в ее быстрое течение, нас унесло далеко вниз, и мы потом долго шли по берегу и молчали.

Младшая сестра возилась со своим костром, перепачкавшись похлеще нас. Костер еле дышал, заваленный хворостом. Я разобрал дрова, раздул огонек, подложил тонких и сухих веток, сверху для дыма бросил травы.

К своему костру я уже не подходил.

...Собрались уходить они рано, по жаре. Галя подошла ко мне, придерживая платье на груди, и попросила починить молнию, которая шла от самого пояса. Платье у нее было самой последней моды – колоколом, с большими карманами. Я ладил замок и едва сдерживался, чтобы не обнять это горячее, плотное тело. Я застегнул молнию, Галя поблагодарила, и я подумал, что надо что-то сказать, но я не смог ничего придумать, стоял и смотрел, как они собираются, и все облизывал языком пересыхающие губы.

Пляж показался ужасно пустынным после ухода девушек. Я смотрел на еще теплившийся их костер и как будто все еще видел, как младшая льет воду на огонь из голубой купальной шапочки, а Галя смотрит на нее сверху и улыбается уже знакомой мне улыбкой...

Я вывел свой велосипед на дорогу и припустил, чтобы догнать их, потом сбавил скорость и поехал совсем медленно. Вечером я встретил Галю у магазина. Она

шла навстречу по тротуару в своем ярком платье колоколом. Я посторонился, она что-то произнесла с улыбкой – очень тихо, одними губами; может быть, «Добрый вечер» или «Опять мы встретились», – а я ничего не успел, не смог ответить, и она прошла мимо меня, чуть наклонив голову, с тихой улыбкой на губах, а я стоял и смотрел ей вслед, и мне было радостно от ее улыбки и непонятых, но приветливых слов... А потом я подумал, что никогда больше ее в поселке не увижу.

На следующее утро я отправился на работу. На чердаке в сундуке со старой обувью я нашел огромные рабочие ботинки, еще совершенно неносенные. Носки их напоминали бульдожьей морды. Оформление произошло удивительно быстро. Меня направили учеником слесаря в механический цех.

У ворот цеха на лавочке сидели рабочие, курили. Я поздоровался.

– Ко мне пойдешь, – сказал мужчина с красным мясистым лицом, в тонкой линялой спецовке, расстегнутой на мощной груди.

Я молча прошел в конторку мастера.

– Пойдешь к Дунаеву, – сказал мастер, по виду немолодой, поджарый мужчина. – Видел, наверное, здоровый такой. Он как раз здесь был, когда из кадров позвонили.

Я нашел Дунаева у окна инструменталки. Мы взяли по кувалде и вышли из цеха. По дороге Дунаев напевал и даже подтанцовывал:

Грябят, убивают,
«Чучу» напевают,
Пам-бара-ра,
Пам-бара-рам.

– А вот наш объект, – показал он на лихтер, стоявший на городках высоко над землей. – Мы из него самоходку делаем.

Он повернулся ко мне с хитрой улыбкой на потном красном лице:

– Помню, плавал я на флотях, захватил нас горнотрап баллеров двадцать, но тут на горизонте показался Гельмпорт...

Я засмеялся:

– Нелегко вам пришлось!

– А, – сказал Дунаев, – ты ученый знает (Он слегка шепелявил, получилось «ущеный»). А все-таки скажи, где тут гельмпортные трубы?

Я показал рукой на корму лихтера.

– Ну, а для чего они?

Меня смешил этот экзамен. Я был сыном шкипера лихтера и знал на нем каждую гайку...

– В гельмпортной трубе находится баллер, на котором крепится перо руля.

Дунаев с восторгом крутил головой:

– Ишь ты! Ущеный!

В первый день моей работы мы вставляли в эти самые трубы стальные втулки. Под кормой на деревянных козлах я развел огонь в железном лотке вокруг выступавшего из кормы конца трубы. Пламя гудело, тяга в трубе была хорошей. Я все подкладывал в лоток древесного угля, и вскоре был весь в саже и мокрый от пота. Мы сбросили жаровню с горящими углями вниз, на землю; тут же молодой пожарник, с утра томившийся без дела возле нас, вскинул брандспойт и сильной струей загасил угли. С палубы по трубе спустили строп, мы с Дунаевым пропустили конец стропа через втулку и в петлю вставили толстый стальной прут. Кран гуднул, строп медленно пополз в трубу, мы придерживали втулку, и она ровно, как по маслу, вошла в горячую трубу. После обеда загнали вторую втулку, но не так легко, как первую. Втулка не пошла дальше половины, тут нам пригодились кувалды. Втулка была выбита, пришлось снова разогревать трубу.

Лицо у меня горело, рубаху можно было выжимать. Снова застропили втулку, она остановилась на середине, но потом дрогнула – и пошла, родная! Пошла! Дунаев соскочил на землю, ликуя, белозубо хохоча, и, крикнув пожарнику: «Давай, черт, поливай!», сбросил с себя рубаху. Пожарник, ни секунды не медля, направил на него мощную струю, чуть не сбившую Дунаева с ног, и тот завертелся, гогоча, растирая руками незагорелую, покрытую рыжим волосом грудь, а пожарник, улыбаясь восторженно и глупо, повел брандспойтом в сторону и вверх, и приятный освежающий дождь пролился на меня...

Потом мы выполняли разные работы: устанавливали дизеля, разбирали паровые машины, притирали клапаны; мне нравилось работать с Дунаевым. Я не меньше его радовался выгодной работе, хотя независимо ни от чего получал свои ученические 45 рублей. Нравилось слушать Дунаева, а тому было что порассказать: служил в морфлоте, потом плавал на китобое, выучился холодильному делу, бывал в Канаде, Австралии, Японии, Штатах, перегонял суда северным морским путем. Года три назад караван, в котором был Дунаев, не смог пройти на Лену и зимовал у нас. Дунаев женился на буфетчице из столовой и остался здесь. Своей прежней жене он платил алименты на двух детей.

Домой я приходил грязный, усталый, мылся под самодельным душем во дво-

ре, надевал нестерпимо узкие брюки и черные узконосые туфли – все это было последней модой в то лето – и шел встречать вечерний катер. Народу на пристани всегда собиралось много, каждый приход катера был событием в жизни поселка. Встречать мне было некого: родители все лето плавали на своем лихтере в низовье, самая старшая сестра жила далеко и не собиралась никуда, насколько я знал; другая сестра, Полина, была на практике, и никто из них не подозревал, что я здесь. И все-таки, когда катер подваливал к дебаркадеру, я вглядывался в толпу пассажиров, словно выискивая кого-то. А потом ноги сами несли к спортплощадке возле клуба. Там сначала играли в волейбол и баскетбол, и лучшим на площадке был невысокий, но страшно прыгучий Валера, молодой специалист, мастер токарного участка. Позже все собирались на танцевальной площадке, где под ногами был бетонный пол, а над головой – ни одного огонька. Представительниц женского пола было немного, к тому же в наступившей темноте они все казались старыми и страшными. Я уходил одним из первых, а вскоре и остальные разбредались по поселку, и то в одной, то в другой стороне раздавались смех, визг, гитарные аккорды...

Однажды я пошел на слабый, но приятный голос, чисто выводивший под гитару: «...царица Тамара жила, прекрасна, как ангел небесный, как демон, коварна и зла» и неожиданно познакомился и подружился с тухчастокскими ребятами, работавшими на землечерпалке и земснаряде, – наверное, потому, что, как и они, я был чужим в поселке. По вечерам стали собираться в моем доме, играли во дворе в теннис на рассохшемся столе, танцевали под радиолу, когда ребята приводили девушек.

Девушки были старше меня, и знакомы еще по школе. Одна из них даже была у нас когда-то вожатой. Теперь она училась в районном городе в пединституте, носила модную высокую прическу и юбку колоколом. Она постоянно чему-то смеялась, лихо танцевала, стараясь выглядеть бесшабашной и юной, тормозила меня. А я не знал, как вести себя с нею и с ее подругами, да и не стремился к установлению дружественных отношений: все девушки казались мне неинтересными. Может быть, оттого, что я все время думал о Гале.

В тот вечер у магазина я не ошибся: больше я ее в нашем поселке не видел. И купаться больше не ездил. По выходным полдня проводил в книжном магазине, роясь в книгах и встречая, словно

старых добрых друзей, знакомые имена. Но меня тянуло в магазин не только к книгам: у продавщицы было такое приятное лицо, такие ласковые глаза... Потом я обедал в поселковой столовой с вкусным болгарским вином и шел в кинотеатр «Восток», только что выстроенный на месте старой пожарки. Здесь было почти как в городе: буфет, музыка, правда, не живого оркестра, а по трансляции, но чувствовал я себя не очень уютно, потому что публика в основном состояла из людей пожилых и семейных. Так я прожил до октября, никто ко мне не приезжал, я был один; иногда мне было очень грустно, но скучной я бы свою жизнь не назвал, столько в ней было нового с тех пор, как я приехал в свой родной поселок. Кроме того, я знал, что еще много хорошего будет у меня впереди.

2

В октябре затон стал наполняться судами, по поселку косяками ходили парни в фуражках с «крабами».

Однажды я встретил Витьку Дворкина, своего бывшего одноклассника. Он стал здоровенным парнем, на его бугристом подбородке пробивалась рыжая щетина.

Мы с малого детства знали друг друга. Несколько раз наши родители зимовали вместе; потом, когда нам, ребятишкам, пришла пора учиться, осели в этом поселке. Сначала мы с Витькой попали в разные классы: он в «а», я в «б», но потом Степан Николаевич, Витькин учитель и завуч, отобрал в свой класс только тех, чьи родители постоянно жили на берегу, а все остальные – «цыгане», дети шкиперов, достались доброй, безвольной, вспыльчивой Нине Петровне. Наш класс собирался в своем полном составе только к Октябрьским праздникам. А сразу после Первого мая наши матери обивали пороги учительской, просили отпустить нас пораньше.

Особенная дружба у нас с Витькой была в пятом классе. К тому времени наши родители уже стали оставлять за собой на лето квартиры, а матери высаживались с нами на берег к первому сентября. Мы встречались с Витькой, и началась интересная жизнь. Он был признанный заводила и выдумщик. Выдумывал, а попросту говоря врал, он самозабвенно, с вдохновением, всегда и всем. Еще он играл на гармошке и знал разные взрослые песни. Глубокой осенью приходил из плавания лихтер его отца, возивший в море рыбаков, и мы с Витькой ездили на лодке к отцу. Витькин отец, огромный, с толстым добрым лицом, встре-

чал нас у стремянки беззлобным, привычным матюгом. Мы проходили в тесную шкиперскую каюту, где было темно, пахло рыбой и горячим паром из отопительных батарей. Витькин отец угощал нас омулем, чуть припахивающим, прозрачным, жирным, тающим во рту. Потом мы бежали по лихтеру, и не было уголка на нем, где бы мы не побывали. Замерзнув, сидели возле дымовой трубы; снизу из машинного отделения шло тепло сквозь зарешеченный люк, и Витька рассказывал разные истории. Его рассказы о белых медведях, нерпах, тюленях, китах (!), упоминание одних только названий: Усть-Порт, Диксон, Караул – завораживали меня. Мы ночевали на лихтере, а утром отец вывозил нас на берег, и шлюпка резала тонкий, намерзший за ночь лед, и он звенел, и звон этот плыл по всему затону... В шестом классе Витька остался на второй год и, кое-как закончив семилетку, подался в ремесленное училище. Из нашего «цыганского» класса мало кто дотянул до выпуска – кто на завод устроился, кто в «ремесло», как Витька. После седьмого класса оставшихся слили с береговыми, сделали один класс.

Благодаря Витьке я заболел морем, но, получив после седьмого класса медицинскую справку, понял, что с моим зрением про мореходку и речное училище надо забыть. Я дико расстроился и стал учиться кое-как, а после десятого не собирался никуда поступать и работал с отцом на лихтере, отпустив мать на берег, в наш только что отстроенный дом. Но однажды услышал по радио объявление про строительный институт, собрался и уехал на экзамены. А через год понял, что конструктора бетономешалок из меня не получится.

...Мы поговорили с Витькой и разошлись, а через неделю он пришел слесарить в наш цех. Я к тому времени сдал на разряд и продолжал работать на пару с Дунаевым.

Как-то я вышел из цеха один. Моросил холодный дождь. Из всех цехов тянулись к проходной цепочки людей в темных промасленных одеждах. У низкой ограды нашего цеха Витька разговаривал с высоким парнем в стильной тужурке и узких брюках. Я подошел к ним.

– Это мой друг, – объяснил Витька парню своим сиплым грубым голосом, – вместе в школе учились.

Парень сверху посмотрел на меня, но руки не подал и имени не назвал. Я тоже промолчал и встал чуть в стороне от них, ожидая Витьку. Обычно мы с ним вместе возвращались с работы.

Я не хотел вмешиваться в их разговор.

Но Витька, разговаривая, постоянно поворачивался ко мне, подмигивал, посмеивался. Так что мне поневоле пришлось делать вид заинтересованного слушателя: улыбаться в ответ на улыбку кого-нибудь из них, кивать головой, поддакивать... Говорили они про северные города, про знакомых девчонок, про ресторанные драки с «береговыми», в которых оба покрыли себя неувядаемой славой. Наконец, они распрощались: «Привет!», «Бывай!», и мы с Витькой направились к проходной.

– Сила парень? – спросил Витька. – Видел шрам на носу? Это он заработал, когда от троих отмахнулся. У тех – «перышки» у каждого, а он навернул ремень на руку и давай их бляхой отоваривать!..

– Здорово, – сказал я равнодушно.

– Еще он ударник железный. Скоро у нас танцы под эстрадный оркестр будут. Вот он будет – Чин, его фамилия Чиняев, а его все Чином зовут, потом еще Боря-трубач с «Грозного». В общем, подбираются ребятаки. У меня есть две девчонки знакомые, буфетчицы с пассажирского. Займемся?

Приближалось Седьмое ноября. У нас в поселке Октябрь совпадал с еще с одним праздником – окончанием навигации. Все жила в ожидании этого дня. К моему приятному удивлению, в поселке появилось немало симпатичных девушек.

3

Однажды я пришел с работы и даже не успел снять робу, как принесли телеграмму: «Стоим выгрузкой приезжай мама». Телеграмма была из нашего райцентра. День был субботний, если поторопиться, можно успеть на дневной рейс. «Кузнец» уже отходил, когда я прибежал и спрыгнул на корму.

Умыться я не успел, пришлось всю дорогу держать руки в перчатках. За окнами салона шел редкий мелкий снег. Я сидел и думал, как же мне объяснить родителям, почему я вернулся в поселок. Ведь не станешь же рассказывать, как плохо, тяжело, неуютно жилось в городе; как существовал одновременно в двух местах: телом – там, в городе, а мыслями, душой, в мечтах и снах – в родном поселке; как приехал на каникулы и задохнулся от свежего воздуха, ослеп от чистого снега и яркого солнца; как по-детски обрадовался своему уголку, где у меня было все, что нужно для жизни: диванчик с чистой простыней, книжный шкаф с откидывающейся крышкой-столом, проигрыватель с пластинками Чайковского и Рахманинова... Вот и районный наш го-

родок, с его трубами и колокольнями, оказался чуть ли не родным, а сердце даже дрогнуло, когда я увидел у берега, пониже дебаркадера, наш лихтер с высокими мачтами-стрелами.

Я поднялся по мосткам на палубу. У открытого трюма на корточках сидел отец и что-то говорил грузчикам в трюме. Увидев меня, он встал и смущенно улыбнулся. Он был в новом толстом, необмявшемся ватнике.

– Приехал? – сказал отец и крепко провел широкой и плоской ладонью по лицу, как будто хотел стереть седую щетину. – Ну, иди в каюту, мать там.

Вечером мы сидели за столом; топились печь, но в просторной каюте было еще прохладно. Отец побрился, оттого лицо его казалось тонким и недобрим. По вскинутому подбородку стекала капля жира.

– На, утрись, – мать кинула ему на колени полотенце.

Отец неловко вытерся и тихо сказал, глядя вверх моей головы:

– Так что ж ты, Саня... Мы тут с матерью бьемся, чтобы вас прокормить, одеть, обусть, образование дать, а ты вон что выкинул... Это Федя Гордеев мне сказал, мы-то с матерью радуемся, что у тебя все по-доброму, по-человечески... А Федя говорит: «Твоего Сашку видел, идет по заводу с кувалдой». Я говорю, что быть не может, он на занятиях должен быть, ошибся ты, говорю, Федя. «Да нет, – говорит, – он еще поздоровался со мной, здравствуйте, мол, дядя Федя...» Как же ты надумал-то?

– Уж потерпел бы, – певуче сказала мать, – там, глядишь, Полина выучилась бы, тебе, глядишь, на десятку больше посылали бы...

– Да не в десятке же дело, – сказал я.

– Да как же так? – загорячился отец. – Я кувалдой махал всю жизнь, так это ладно. Я в эту школу и ногой не ступал, не то что вот она, – он показал на мать, – всю первую группу прошла... Так теперь и сын – грамотный, образованный – тоже кувалдой махать? Зачем я тебя учил? А?

– Уж потерпел бы, – повторила мать, – мы понимаем, что ты молодой и одеться тебе хочется и сходить куда... А только потерпел бы, выучился, а потом – как хорошо! – сам себе хозяин, одевайся и обувайся, с девушками ходи... А пока – вон как в песне поется: первым делом, первым делом – самолеты, ну, а девушки, а девушки – потом! – пропела она чистым высоким голосом.

Отец разлил оставшееся вино по стаканам, но я не стал пить и вышел из каюты.

Шел снег и не таял на стылой палубе. Мне было грустно. Я вспомнил, как много лет назад в такую же осеннюю пору мы пришли на зимовку и стояли ночь на рейде; было темно вокруг, лишь огни бакенов различались в черноте, а утром мы с отцом прошли на нос лихтера по тропинке, протоптанной в снегу, отец со шкипером с передней баржи присели на кнехты и закурили, и отец сказал улыбаясь: «Ну что, Федя, пойдём в ЖКО?»

Я тогда уже знал, что после того, как отец сходит в «жекео», мы перевезем наши узлы в лодке на берег и будем долго ждать отца с возчиком и с ключами от квартиры, и будет первая ночь в пустой еще и гулкой квартире, мы, ребяташки, спим еще на полу, и яркий свет электрической лампочки, от которого мы отвыкли, в общем все то, что мать в сердцах называла цыганской жизнью... Сейчас мне эта «цыганская жизнь» вспоминалась как бесконечное счастье.

– Саня, ты где там запропал? – послышался голос матери.

Мы снова сидели за столом и пели с матерью на два голоса. Сначала мать тонким, дрожащим голосом выводила куплет, потом мы с ней вместе повторяли его, и я радовался тому, как ровно, красиво и сильно звучит мой голос:

В двенадцать часов темной но-о-чи
Убили Алешу-молодца...

Отец, уронив голову на стол, пытался подпевать нам, а потом умолк и заснул. Мать пропела над самым его ухом:

Вставай же, вставай же, Алеша,
К тебе твои товарищи пришли...

Я не знал, откуда это во мне, но песни эти – о кровавом атамане Семенове, о злых белочехах, убивших красавицу-сестру, которые пелись на шумных наших гулянках, волновали меня до слез, я готов был слушать их бесконечно, и однажды подтянул матери; она посмотрела на меня удивленно, не прерывая песни, и кивнула одобрительно.

Мы закончили песню, раздели и уложили отца в постель. Он внятно сказал во сне:

– А где же наш Саня? – и горестно вздохнул.

Мы с матерью тихо засмеялись.

На другой день мы пошли с ней в город и купили мне черный двубортный костюм. Белую рубашку с твердым накрахмаленным воротником я купил еще со своей первой не-ученической полочки.

4

К Октябрьским праздникам мы перевезли вещи с лихтера, побелили, убрали в доме. Собиралась приехать Полина.

В последний рабочий день перед праздниками мы с Витькой получили зарплату и зимнюю спецодежду – валенки, ватные брюки, телогрейку. Потом мать отправила меня в баню. Домой я пришел не скоро. Сестра Полина, красивая, с белыми волосами, сидела за швейной машиной с брюками от моего нового костюма.

– Ты вовремя приехала, Полина, – закричал я с порога, – а то мать заперла брюки и не дает перешивать!

– А на вечер возьмешь меня?

И вот я оделся в свой черный костюм и сам себя не узнал в зеркале. Из кухни вышли мать с отцом. Я едва дождался, пока соберется Полина.

Над входом в клуб горели две «четверки». Мы разделись и прошли в фойе сквозь толпу парней в вестибюле. Полина уехала из поселка неприметной девчонкой с русыми косичками, а сейчас наши парни откровенно пялились на нее, на меня посматривали весьма косо.

«Да это же его сестра!» – сказал кто-то за моей спиной с явным облегчением: словно бы я собирался водить его за нос, но вовремя был разоблачен. Мы с Полиной с улыбкой переглянулись.

Витька Дворкин стоял у колонны с двумя девушками в одинаковых синих платьях с большими белыми воротниками. Я кивнул Витьке, он пристально посмотрел на нас.

Во время концерта над моим ухом раздался его зычный голос:

– Привет, Полинка! А я тебя не узнал, думаю, с кем это Александр разгуливает?

– Здравствуй, – ответила сестра. – Я понимаю, что ты мне очень рад, только зачем кричать в самое ухо?

– Полинка, – зашептал Витька, – хочешь, мы тебе жениха найдем?

– Кто это мы? – не оборачиваясь, спросила Полина.

– Мы с Александром!

Я с возмущением повернулся к нему:

– Брось молоть челуху!

После концерта почти все остались на танцы: молодые – потанцевать, «старички» – посмотреть. Они расселись в фойе на стульях вдоль стен, а молодежь заняла два темных угла – в одном толпились парни, в другом – девушки. Музыканты-духовики устроились на балконе. Грянул вальс. Сначала никто не решался выходить, потом одни из парней решительно пересек зал, за ним другой, а там уже пошли, пошли... Неожиданно кто-то об-

нял меня за плечи и сказал мягким, прямо воркующим голосом:

– Здравствуй, дружище!

Я обернулся и увидел высокого красивого парня со шрамом на тонком носу. Вспомнилось его прозвище: Чин.

– Что-то тебя, Александр, не видно нигде в последнее время, – сказал он, крепко пожимая мне руку. – А мы тут в ресторане на днях так хорошо погудели!

Он самым наглым образом выдавал себя перед Полиной за моего друга. В конце концов, мне пришлось познакомиться их, и он тут же пригласил ее на танец.

Витька издали подавал мне знаки, и я подошел к нему. Он познакомил меня со своими девушками. Их звали Ольга и Тоня. Они были похожи, как сестры, и в то же время совсем разные: то, что в Ольге было привлекательным и милым, в Тоне проступало чрезмерно и грубо. Оля была в меру полной, Тоня – толстой, у Оли было круглое лицо с аккуратными мягкими чертами, у Тони – расплывшееся, с двойным подбородком, с большим носом. Я не обольщался насчет Витькиных планов.

Витька, считая, что его миссия закончена, увел Ольгу танцевать. Мне показалось даже, что он облегченно вздохнул. Я остался с Тоней и чувствовал себя ужасно глупо.

– Может быть, мы потанцуем, Саша?

Вдобавок ко всему она шепелявила.

Мы вышли в круг. Оркестр играл танго. Тоня прижалась ко мне своей большой и мягкой грудью. Сестра снова танцевала с Чином. Она посмотрела на меня без улыбки и отвернулась. Мне почему-то стало стыдно.

– Саша, а тебе не кажется, что сегодня у всех какое-то необычное настроение? – спросила Тоня. – Я понимаю: праздник, и все такое. Но я не про это... Все как будто ждут чего-то очень-очень хорошего...

Я посмотрел на нее с некоторым интересом.

– Мы с Ольгой первый раз в вашем поселке, и нам здесь очень понравилось, – продолжала Тоня. – Только здесь ребята... немножко грубые...

– Специфика производства, – сказал я. – Заглубели мы тут без женского внимания.

– Так я же не про всех ребят говорю!

Тоня посмотрела на меня по-матерински ласково.

Музыка кончилась, мимо нас прошли сестра с Чином. Лица Полины я не видел.

– У тебя очень хорошая сестра, – неожиданно и убежденно сказала Тоня.

Мы подошли к Витьке с Ольгой. Ольга посмотрела на меня с веселой усмешкой. Я поспешил откланяться.

Сестра была одна и дулась на меня. Мы собрались и ушли домой. Полина торопливо шла впереди.

– Слушай, – сказал я, – чем ты недовольна?

– Ну что ты, я всем довольна. Вы с Витькой нашли мне прекрасного кавалера.

– Кавалер как кавалер. При чем тут я?

– Как при чем? Ведь иначе ты бы не смог потанцевать с этой милой девушкой...

– Какой сарказм! Только она действительно хорошая девушка. И ты ей очень нравишься.

– Давай, – сказала сестра, – продолжай в том же духе. Тебе, я вижу, уже все равно...

– Что – все равно?

Полина промолчала, но я понимал, что она имела в виду. Она любила меня и по-родственному считала каким-то особенным, не таким, как все, и хотела, чтобы я дружил с такими же «особенными» девушками...

Родители спали. Мы на цыпочках прошли на кухню. Я достал из духовки теплый чайник, и мы долго, не торопясь, пили чай с мамашиней стряпней, разговаривали совсем уже мирно и тихо, заговорщически смеялись над своей полуночной трапезой...

На другой день мы с Полиной ходили на демонстрацию. Был крепкий морозец. Обычно перед началом демонстрации произносились речи с трибуны, установленной на площади перед клубом; когда-то, школьницей, Полина выступала с этой трибуны, я до сих пор помню ее высокий звонкий голосок. На этот раз, по случаю мороза, митинга не было.

Мы прибежали домой заоченевшие и веселые. Мать уже собирала на стол. Пришли гости – дядя Федя с тетей Настей, наш сосед Михал Михалыч, в котором все было огромным – голос, руки, валенки, узел галстука. Его тихая, выглядевшая старухой жена принесла большую миску дымящихсяпельменей.

– Ой, да что ты, – сказала мать укоризненно, но без обиды: все тут были, как выражался Михал Михалыч, «родные люди».

Михал Михалыч долго жал Полине руку, вращал огромными, на выкате глазами и восторженно гудел на весь дом:

– Антон, Лена, вы посмотрите, какая у вас дочь!

Отец, с утра приложившийся к лагушку с брагой, польщено улыбался. Мать сдер-

жанно сказала, входя в комнату с тарелкой остро пахнущих груздей:

– Дочь как дочь.

Она жалела тетю Дашу, зная, что той достанется дома от мужа за то, что она не могла иметь детей.

Дошла очередь и до меня. Михал Михалыч, не церемонясь со мной так, как с Полиной, облапил крепко, затискал, тепло и вкусно дыша мне в лицо хлебным духом.

Сели за стол.

– Ну, гостеньки дорогие, – сказала мать, – выпьем за наш праздник, чтоб все у нас было хорошо, а у наших детей еще лучше!

– Главное, чтоб войны не было, – подхватила тетя Настя, – а войны не будет, так и всем будет хорошо!

Дружно выпили, потянулись вилками к груздочкам, огурчикам, селедке туруханской... После того, как немало было выпито, съедено, переговорено, мать, счастливая, покрасневшая, крикнула нам с Полиной:

– А ну-ка, дети, станцуйте!

Дядя Федя поддержал ее:

– Правильно, спляшите-ка, а то я слышу: «стиль» да «стиль», а что это такое – не имею понятия.

Мы с Полиной весело переглянулись и встали из-за стола.

– Вот, дядя Федя, – сказала Полина, – вы не имеете понятия о том, что называют стилем, а сами, наверное, ругаете его на чем свет стоит!

Все засмеялись, а Михал Михалыч воскликнул:

– Так его, Полина, старого!

– Так ведь рассказывают, это стыд и срам, как они выламываются, – оправдывался дядя Федя.

– А вот посмотрите!

Конечно, если б все танцевали так же здорово, как мы с Полиной сейчас, в нашем доме, под одобрительными взглядами взрослых, до дяди Феди не докатилась бы волна возмущения.

Пластинка кончилась, мы, запыхавшись и довольные, вернулись к столу.

– Это и есть «стиль»? – недоверчиво спросил дядя Федя.

Полина скромно пожала плечами.

– Это чарльстон. Между прочим, его танцевали в дни вашей юности, а, может быть, и раньше.

– Да, – сказал дядя Федя отцу, – твои дети – это твое счастье. Я всегда говорю своим: берите пример с Антоновых детей!

– Да вот у меня дурачок один, – пожаловался отец, – не хочет учиться, и все тут. Хоть бы постыдился! – Он укоризненно

посмотрел на меня: – Одна сестра уже инженер, другая через два года...

– Полтора, – поправила Полина.

– ...станет врачом.

Отец замолчал. Он уже привык к тому, что после слов о Полине следует фраза обо мне, и вот теперь не может примириться с тем, что приходится прерывать перечисление.

– Странно, – сказал я, – почему это я должен жить по чьей-то воле? Вон даже потанцевать, – я взглянул на сестру, – даже потанцевать и то нельзя с той, с которой хочешь. А я вот возьму и женюсь!

– Не устраивай сцен! – строго сказала сестра и встала из-за стола.

Я вышел вслед за ней на кухню.

– Как ты не понимаешь, – сказала она, – ведь мы – дети шкипера. Вспомни, как мы росли: на нас смотрели как на каких-то второсортных, хуже цыган...

Она говорила, а я вдруг вспомнил, как мы с матерью неделю назад таскали из лодки скудный скарб и складывали на берегу, а с дебаркадера спускались по мосткам две женщины, и одна из них насмешливо хихикнула и показала другой на нас; это была та самая продавщица из книжного, к которой я ходил по выходным, как на свидание.

– В нас видели ни на что не способных людей, потенциальных жуликов и бандитов. И для этого были основания: редко из шкиперских детей выходило что-либо путное, вспомни Кузькиных, Савиных, Щенниковых... Да твой Витька Дворкин – живой пример. В школе мне было стыдно говорить, что у меня отец шкипер, а вот сейчас я не стыжусь этого. Да, говорю я, мы – шкиперские дети, но мы не выросли шалопаями, как другие...

Полина у нас была «папина дочь»; своим тонким лицом она походила на отца, от него же унаследовала, как никто из нас, вот это чувство нашей семьи («родовы», как говорила мать). Отец наш всю жизнь мечтал выбиться в капитаны, да так и не выбился, а теперь жил надеждами только на нас, на детей.

– Я тебя понимаю, – сказал я, – но почему вы все думаете, что только институт, высшее образование делает человеком?

– Потому что никого не интересует, чем ты живешь. Интересует конечный результат. Я знаю, у тебя богатый внутренний мир. Но тебя всегда будут жалеть, если ты, конечно, останешься таким наивным... Пойми, я желаю тебе только хорошего, – у нее заблестели глаза, она отвернулась и продолжала уже спокойнее и тише: – Когда мне начинает казаться, что во всем мире не осталось чистоты,

правды, добра – я вспоминаю тебя, и мне хочется верить, что все это есть. И мне жаль, что это никому не нужно...

Мы долго молчали.

5

Наступила настоящая зима. Как-то вечером Витька пришел ко мне и вызвал на улицу. Там нас ждали Ольга и Тоня. Мы долго гуляли по нашей окраинной улице; за нашим домом она продолжалась в кустарнике узенькой тропинкой.

Витька, балуясь, стал бороться с Тоней, совершенно необъятной в своей зимней шубе. Мы с Ольгой молча шли по тропинке.

– Саша, – крикнула Тоня, – а он меня валит в снег!

– Оставь их, – сказала мне Ольга, – разве не видишь, им это нравится.

В голосе ее слышалась насмешка.

– А вам не нравится? – спросил я.

– Во всяком случае, восторга не вызывает.

– А я возьму и вывалю вас в снег.

Она остановилась, поправила шапочку и спокойно сказала:

– И заработаешь...

Мне стало обидно. По какому праву она презирает нас всех?

– Не от тебя ли? – спросил я, переходя на ты.

Неестественно улыбаясь, я подошел к ней вплотную, обхватил руками и стал медленно клонить ее. Глаза ее в чудесных мохнатых ресницах были закрыты, нижняя губа закушена. Она оставалась по-прежнему чужой, красивой и спокойной, и я поставил на ноги и отпустил ее.

– Ага, обнимаетесь? – сказала Тоня.

Она подошла с заметно припухшими губами, пряча глаза.

Я объявил, что иду домой.

– Да брось ты, – добродушно просипел Витька; он стоял с непокрытой головой, а Тоня его шапкой стряхивала снег с его тужурки. – Пошляемся еще.

– Молодому человеку скучно с нами, – насмешливо сказала Ольга.

– Это вам скучно, – возразил я. – Вы же бог знает какое совершенное создание, что вам с нами, с серыми?

Ее молчаливое спокойствие словно подстегивало меня.

– Зачем вы приехали в наш поселок? Чтобы поблистать на нашем скромном небосклоне? Вы и Тоню выбрали себе в подруги только потому, что рядом с ней вы в таком выигрыше. Вы смеетесь над ней, потому что она жалко и нелепо копирует вас. А вместе с ней вы смеетесь надо мной, считая, что одурачили меня. Вы смеетесь над Виктором, и он не нужен вам, как не нужен вам никто, а ходи-

те вы с ним только потому, что он выше, позаметнее других парней...

Я повернулся и пошел к своему дому.

На другой день, до начала работы, Витька уселся на моем верстаке в своих толстых лоснящихся от масла ватных брюках.

– Чего ты вчера на Ольгу накинулся? – спросил он, закуривая. – Она вообще-то ничего девчонка, хорошая. Как ты ушел, она все молчала. Зря ты на нее так. – Он оживился: – А Тонька, скажи, сила-баба? Как прижмешь: у-у! Смотри, будешь телиться – быстро уведут!

Мы по гудку вышли из цеха. Рассветное небо в стороне дамбы было словно сварено из стальных полос красного, фиолетового, синего, пепельно-сизого цветов. От Витькиных слов про Ольгу я почувствовал волнение, но потом вспомнил, что она почти всегда молчала и при мне; однако мысль эта – что ей не совсем безразличны были мои слова – вызвала и испуг, и радость, и радости было все-таки больше, потому что мне хотелось верить своей догадке.

С первого декабря Дунаев перешел в другой цех, на твердую ставку. Теперь мы работали на пару с одним парнишкой, только что окончившем ученичество. Звали его Николаем. Был он худой, жилистый, с красным прыщавым лицом. Работу нам дали самую несложную: ставить иллюминаторы на карцекране.

Когда мы работали с Дунаевым, всеми «нарядными» делами занимался он. Теперь же мне поневоле пришлось взять все эти дела на себя. Про наряд я спросил у мастера сразу же, как только нам дали эту работу. «Потом как-нибудь зайдем», – отмахнулся мастер.

Перед гудком, весь в ржавой замазке, я зашел в конторку мастера.

– Наряд, говоришь? – мастер посмотрел в окно, почесал концом канцелярской ручки в голове. – Какой же я тебе выпишу наряд. Если эта работа еще в прошлом годе считалась сделанной, и деньги давно-о за нее получены.

– Как так?

– А вот так! – Мастер весело посмотрел на меня. – Да ты не расстраивайся. Что-нибудь придумаем.

За проходной я догнал Афанасия Дунаева.

– Ну как дела, ученый?

Я рассказал про случай с нарядами.

– Это у них система, – объяснил Афанасий. – Допустим, у Харина в этом месяце мало вышло в получку, он идет к начальнику цеха, наступает на горло, начальник и скажет мастеру: «Выпиши-ка

ты, Петрович, ему часов на 50 нарядик». А тому где взять? Вот тут и выручает эта хитрая система...

– Как все просто! – сказал я. – А я, значит, из-за этой системы неделю бесплатно вкалывал?

– Ты этого так не оставляй, ученый. Дави на них, наступай на горло. Тут, если будешь тихим, без штанов останешься.

Наряд с большим трудом закрыли, но выходило так, что я эти часы не отработал, а выключил. Потом мы работали на брандвахте. Как-то в конце дня Петрович сам принес нам наряд.

– Что ж, на хлеб и чай без сахара хватит, – сказал я, развернув бумажку.

Петрович потупился.

– Давно уж пора с этой брандвахтой закончить и перейти на другой объект.

– На другой объект, говорите? А сколько времени мы потеряли? Ну-ка, Николай!

Тот достал из кармана сложенную вдвое ученическую тетрадку:

– 10 числа сидели два часа в ожидании возчика. 11-го... Сидели два часа 30 минут: не было сверла на 13... 12 числа сидели один час 45 минут в ожидании трубоблочного станка...

– И так каждый день! – воскликнул я. – Зато ваши дутые передовики не сидят – возчик всегда им первым отвезет детали, Харин займет станок – и не подступишься, а нужно-то иной раз одно отверстие продрать!

– Харин умеет работать!

– Да, мы так не умеем работать! – запальчиво воскликнул я.

– Да вы никак не умеете работать! Полмесяца на одном паршивом объекте!..

Мастер стал подниматься по стремянке наверх.

– Вот так вот, Николай, – сказал я и вспомнил присловье, услышанное в заводе: – Дела идут, контора пишет: рупь дадут, а два запишут!

После работы нам с Витькой удалось пристроиться на сани к возчику Ивану Николаевичу. Мы неслись по улице с гиканьем и свистом; возле клуба Витька соскочил с саней с криком:

– Ольга! Подожди!

Ольга обернулась, Витька прыжками, нагнув голову, словно собираясь бодаться, несся к ней. Я слез с саней, пошел пешком.

– Саша, – неожиданно услышал я Ольгин голос, – приходи с Виктором к нам вечером. Хорошо?

– Точно, приходи! – крикнул и Витька.

Я еле дождался того времени, когда можно будет пойти к девушкам. Надел

своей черной костюм с черной же рубашкой и пошел к Витьке. У девушек встретила нас Ольга, необычно оживленная, милая. Я задержался в коридоре, топтался, ждал, пока Витька пройдет в комнату.

– Вы, должно быть, сердитесь на меня? – спросил я, когда мы с Ольгой остались одни.

– Давай не будем об этом, – мягко сказала она. – И почему ты мне выкаешь?

Под общежитие в нашем поселке были заняты обыкновенные восьмиквартирные дома, так что девушки оказались обладателями просторной однокомнатной квартиры. Мы выпили вина, потанцевали; неожиданно мы с Ольгой оказались вдвоем на кухне. Она обхватила мою голову мягкими ладонями и горячо и сильно поцеловала в губы.

– Ольга, – прошептал я, – я знал...

Я не закончил, снова ее влажные губы с волнующей медлительностью прижались к моим.

– Что ты знал? – спросила она тихо и взглянула мне в глаза.

– Я знал, что ты не такая...

Она медленно провела ладонью по моей щеке, я растроганно поцеловал ее теплую руку.

– Ах ты, Саша-Сашок...

– Когда сегодня Витька окликнул тебя, и ты обернулась, я понял, что все, я пропал...

Я блаженно улыбался, как человек, избежавший смертельной опасности.

– Ах ты, Саша-Сашок, – повторила Ольга, – не надо пропадать, зачем пропадать?

– Давай уйдем, – сказал я.

И мы ушли. Падал крупный снег; вдали, в стороне завода, над прожекторами стояли белые плотные столбы света. И впереди у нас с Ольгой была целая зима, чудесная и длинная, как жизнь...

6

Витька пришел ко мне утром. Я убирал снег во дворе, его много выпало за ночь. Он лежал чистый, невесомый, было приятно играть большой фанерной лопатой в это тихое воскресное утро, пасмурное, но такое светлое от снега.

Витька встал в калитке, был он в короткой тужурке с поднятым воротником и больших подшитых валенках.

– Привет, – сказал он, – ну и как?

– Здравствуй, – ответил я, – да ничего.

– А мы вчера с Тонькой хватились – вас нет, – рассказывал Витька, – я дверь на ключ, гашу свет. Тонька для порядка поломалась немного. И знаешь, она очень даже ничего, хотя и не профессионал. Во всяком случае, лучше Ольги.

– Иди отсюда, – тихо сказал я, – трепач.

Он вынул из кармана тужурки кожаные перчатки, в таких обычно дерутся наши парни.

– Другу не веришь? – спросил он, натягивая перчатки. – Или я тебе не друг? Эх ты, Александр, из-за какой-то... Да ты сам подумай, легче у нас на флоте встретить белого медведя, чем порядочную девушку... Поехали лучше сегодня в город, к педичкам на танцы, а?

На крыльцо вышла мать:

– Здравствуй, Витя! Что-то ты редко к нам заходишь. Проходи в дом, у меня как раз пироги горяченькие...

Витька прошел во двор. Я смотрел на его валенки; мне казалось, что своими огромными подошвами он топчет не снег, а все хорошее, что предвещало сегодняшнее утро.

«Почему ты не ударил меня, – хотелось мне спросить у Витьки. – Потому что я твой друг? А то, что ты представил дело так, будто Ольга тебе надоела, и ты спихнул ее мне, и теперь поведешь об этом всем с улыбочкой – это по-дружески?»

Но я не сказал этого. Я не мог ненавидеть Витьку, он вызывал во мне чувство, похожее на жалость и брезгливость. Я забросил лопату в снег и поднялся на крыльцо.

– Что ж, заходи в дом, – сказал я Витьке.

В этот день мы с Ольгой сходили в «Восток» на дневной сеанс. Потом гуляли по поселку. С Каменной горы возвращались лыжники.

– Пойдем в следующее воскресенье на лыжах, – предложила Ольга. – Только ты мне лыжи достань. А, Сашок?

Я обещал достать ей лыжи и пойти с ней на Каменную гору.

Пусто, сумеречно, тоскливо стало на улицах поселка к вечеру. Мы остановились перед грубой фанерной афишей.

– Я не хочу на танцы, – сказала Ольга.

– Я тоже ...

– А что будем делать?

– Тебе скучно со мной? – спросил я.

Что-то дрогнуло в ее лице.

– Нет, – ответила она, но мне послышалась обида в ее голосе. – Только чего ты такой...

Мне подумалось вдруг, что мы познакомились с Ольгой не здесь, а в большом красивом городе, и вот каким-то вихрем нас перенесло сюда, на эти необитаемые улицы... Я нежно и сильно тянулся к Ольге, но не мог чего-то пересилить в себе.

Потом мы стояли перед ее дверью на втором этаже общежития.

– Ну, что? – говорила Ольга. – По домам?

Я молчал, но и не уходил. Наконец, Ольга постучала в дверь, и Тоня впустила нас, оглядев обоих без улыбки.

– Ты куда-нибудь уходишь? – спросила Ольга, раздеваясь.

– На танцы, ответила Тоня. – А вы не идете?

– Видимо, нет.

Мы с Ольгой прошли в пустую кухню.

– Посиди пока, Сашок, здесь. Сейчас я поставлю чайник, а тебе уже хватит хмуриться, лучше расскажи что-нибудь.

Я пригладил загрubeвшей на холоде, казавшейся страшно толстой рукой волосы, обнял и поцеловал Ольгу. Она прижалась ко мне и тихо прошептала:

– Я уж подумала, ты никогда... не поцелуешь меня...

– Я ухожу! – крикнула Тоня.

Хлопнула дверь.

– Вот мы и одни, – сказала Ольга. – Давай пить чай. Садись, Сашок.

Я сел, а Ольга захлопотала у стола.

– А ты откуда, Ольга? – спросил я, с бездумной радостью следя за ее движениями.

– Из Тайшета. Слыхал? Это про наши места в песне поется: «Там где речка, речка-Бирюса...»

– Ах ты, моя бирюсиночка!

Я засмеялся, привлек Ольгу к себе, прижался щекой к мягкой теплоте ее руки пониже плеча.

– Как ты сказал?

– Моя бирюсиночка!

Она тихо засмеялась и взерошила мне волосы:

– Какой ты хороший...

– Да брось ты!

– Нет, ты такой хороший, что... Мне даже страшно, какой ты хороший!

– Но почему страшно?

– Не знаю.

Она сама обняла меня.

Это счастье, думал я, вдыхая запах ее волос, губ, платья, тела – ее запах. Какое это счастье! Но я не верил еще, что все это происходит со мной, наяву, а не в мечтах, и потому, не мог быть счастливым до конца.

7

В конце обеденного перерыва я зашел к мастеру. На стульях и вдоль грязной стены на полу сидели рабочие, курили, балагурили. Мне не хотелось при них обращаться к мастеру, но попробуй потом, найди его. Я подошел к столу и громко спросил:

– Петрович, сколько же мы будем сидеть без работы?

Мастер, улыбающийся чьей-то байке, вмиг посерьезнел:

– Пока не будет работы!

– Интересно, всем работа есть, а нам, значит, нет?

– Зачем тебе работа? – сказал кто-то из рабочих. – Мамка кормит, и ладно.

Все засмеялись. Улыбнулся и мастер.

– Иди к начальнику, разбирайся с ним.

Он потянулся к своим бумагам, давая понять, что разговор закончен.

Начальник механического цеха, куда входили токарный и наш слесарный участки, был пожилым, с темным морщинистым лицом; одевался он исключительно по форме: черный китель с глухим воротом, летом на голове фуражка с белым чехлом, зимой шапка с кожаным верхом, так что больше походил не на берегового начальника, а на морского капитана. Кабинет его был на втором этаже, и вела к нему железная лестница, напоминая корабельную. И в его просторном кабинете пахло, как должно пахнуть в капитанской рубке: крепким мужским одеколоном, хорошим табаком, свежей крутой заваркой. Может быть, он тоже, как я, хотел стать морским капитаном?

– Садись, Парамонов, поговорим, – сказал начальник, выслушав меня. – Говоришь, работы нет? Работа-то есть, так ведь не ждую работу тебе доверишь. Харин на тебя жаловался. Ему после тебя насос пришлось перебирать.

Начальник говорил медленно, ровным голосом, изредка и тяжело поднимая на меня глаза с набрякшими веками.

– Я не скажу, что ты лентяй. Парень ты старательный, но, сдается мне, завинчиваешь ты гайки, а сам думаешь о чем угодно, только не о работе. А у нас не конвейер, у нас ремонтное предприятие. Здесь каждый слесарь сам себе и конструктор, и механик, и снабженец. А вам с Николаем никакой серьезной работы доверить нельзя. А такой работой, как привезти кнехт к судну да затащить его на палубу, у нас возчик Иван Николаевич со стропалем занимаются... И второе. Парень ты грамотный, в институте учился – так что ж теперь, выходит, ты должен всех сторониться? вы, мол, неровня мне?

– Я так не думаю, – возразил я.

– Уж не знаю, как ты думаешь, а вот такие сигналы поступают... Ты возмутился, когда тебе наряд не закрыли: что это, мол, за организация труда! А ты помоги наладить-то ее, организацию? Вот был у нас специальный месячник: пожалуйста, подавайте предложения, указывайте, где у нас узкие места. А он что заявил? – Начальник обратился к старшему мастеру токарного участка, коренастому мужчине

с круглой крупной головой, подстриженной «под бокс»: – Самое говорит, узкое место на заводе – это мои штаны!

Старший мастер улыбнулся, голая кожа у него над ушами собралась в морщины.

Я вышел из кабинета и пошел домой берегом, через дальнюю проходную. Солнце только что село. От того места, куда ушло оно, склеротическими жилками расходились лучи.

Что ж, я действительно был чужим на заводе. Но отчего так вышло? Почему первый день моей работы вспоминается, как праздник, почему с Афанасием у нас все было по-другому: работалось хорошо, легко, весело... Когда же все началось?

Мать слегка удивилась моему раннему приходу:

– Ой, а я гудка не слышала!..

И тут мощно, туго, низко прозвучал заводской гудок. Мать засветилась лицом:

– Как пароход прямо!

– Писем не было?

– Полина написала. Я не открывала, думаю, придешь и прочитаешь нам.

«Саша, – писала Полина мне на отдельном листе, – ну что тебе стоит писать мне почаще. Ведь мне так интересно читать твои письма, ты и не представляешь. Я читаю и завидую тебе, и мне хочется бросить все и приехать в поселок и убирать снег во дворе большой лопатой, и носить воду из колонки на коромысле... Помнишь, после школы я работала почтальоном одну зиму? Набегаешься за день, а вечером на репетицию в клуб или на подготовительные курсы, и все равно сейчас все это вспоминается, как сплошные радости... Может быть, ты и прав, что вернулся домой...»

Я умылся и переоделся.

– Мать, – сказал я, – может быть, я сегодня с девушкой приду. Ее Ольгой звать.

Мать растерянно и радостно захохотала:

– Да что ж ты раньше не сказал? Я б хоть пирогов испекла...

– Ладно, сообразишь чего-нибудь.

Перед кино я уговорил Ольгу зайти к нам. Ольга остановилась перед калиткой:

– Боюсь...

Я искренне удивился:

– Да что ты? Моих родителей?

Я познакомил ее с матерью и отцом. Провел в свою комнату, показал ей книжный шкаф с откидывающейся крышкой-столом, похвастался:

– Сам сделал!

– Ого! А книг-то сколько!

– Знаете, Оля, – сказал отец, нерешительно входя к нам, – он чуть ли не с

первого класса просит: «Дай, папка, денег на книжку». А как сам стал зарабатывать, так с каждой полочки...

– Все лучше, чем на водку-то, – сказала мать и спросила, заглядывая к нам: – Чай-то здесь будете пить или в зале?

– А вы что, не сядете с нами?

– Да уж не знаю, – мать жеманно поджала губы, – может, вам одним удобнее!

– Глупости! Правда, ведь, Ольга?

Ольга улыбнулась.

Чай пили в большой комнате. Отец, видимо, понимал, что это тот случай, когда бутылка неуместна, и это его немного угнетало, но потом всем стало хорошо, просто, и мне даже жаль было уводить Ольгу.

– У тебя хорошие родители, – сказала она на улице. – Мне было с ними удивительно легко. Просто здорово, что у тебя именно такие родители. Не было этих изучающих взглядов, расспросов... Мне кажется, что они тебе полностью и во всем доверяют.

– Ну, это само собой.

Я был очень доволен вечером: и старики не подкачали, и Ольга была хорошей, доброй, ласковой, без той задумчивости, замкнутости, которые на меня действовали просто болезненно.

8

После разговора с начальником цеха нам с Николаем дали делать инструментальные ящики для токарного участка. Мы таскали железные листы в котельный цех, просили, чтоб нам порезали на полосы нужных размеров: посторонних к гильотине не подпускают; потом сверлили, пилили, клепали – шум в цехе стоял невообразимый от нашей работы.

То и дело кто-нибудь из слесарей раздраженно кричал нам:

– Да бросьте вы гремять! Все равно эти гробы через месяц выбросят!

Я старался не обращать внимания на крики. Мне нравилось делать эту работу: вот я уеду отсюда, а когда-нибудь приеду в поселок, зайду в цех и увижу свои ящики...

Я все чаще подумывал об увольнении, и если б не Ольга... С ней происходило в последнее время что-то непонятное. В субботу мы не встречались – сказала, что не хочет ничего и не желает никуда идти. На воскресенье договорились пойти на лыжах. Я зашел за ней, она сначала не хотела идти, была какой-то странной: чужой, неласковой, но потом оттаяла, прогулка вышла просто чудесной...

А в понедельник Николай спросил меня, почему я не был в субботу на танцах, и, не дождавшись ответа, сообщил, что

Ольга была там и танцевала с парнем из оркестра... «Чин», – догадался я. После Октябрьского вечера он всегда здоровался со мной первым, иногда на танцах, когда не был занят в оркестре, подходил к нам с Ольгой, разговаривал с нею легко, весело, просто, и она смеялась в тон ему и шла с ним танцевать с видимой охотой, и мне это было немножко обидно, но он приглашал ее по всем правилам, то есть прежде просил разрешения у меня, а мне ничего не оставалось, как говорить «Пожалуйста» и стоять потом с глупым видом...

Итак, предчувствия меня не обманули. Но все равно это было так неожиданно горько, обидно, непонятно. Я решил ничего не говорить и не спрашивать, но прежним быть уже не мог, и она поняла, что я все знаю, стала сухой и замкнутой. Мы сходили в кино во вторник вечером, потом я проводил ее, и мы даже не поцеловались у ее дверей.

Приближался Новый год. Я остался один в доме: родители уехали в отпуск, раз в три года им полагался бесплатный билет в любую сторону Союза, – и намеревался устроить прием, пригласить Ольгу с Тоней и Витьку. Зла я на Витьку не держал, и постепенно мы с ним сходились снова.

В субботу, за несколько дней до Нового года, мы с Ольгой гуляли вечером по заснеженным улицам поселка, и все было как прежде: мы разговаривали, смеялись, обнимались. В переулке у старого двухэтажного здания вечерней школы, перегорев дороге, нас ждали трое: красавец Чиняев и его дружки.

Мы остановились.

– Можно тебя на минутку? – спросил Чиняев.

– Я слышу отсюда, – сказал я, крепче сжав Ольгину руку.

– Не бойся, мы тебя бить не будем.

Чин шагнул ко мне, взялся рукой за шарф у меня на горле, потянул на себя:

– Чтоб я тебя больше с ней рядом не видел! Понял?

– Не понял!

Я сбросил его руку и отступил назад.

– Давай по-честному, один на один. Пусть они не лезут, – кивнув в сторону его дружков, сказал я.

Меня била дрожь, но это был страх не за себя, я боялся потерять Ольгу.

Удар Чина был несильным. Я успел увернуться, а затем резко метнулся к нему и кулаком в тонкой кожаной перчатке нанес прямой удар в лицо. И тут же меня ударили по затылку. «Кастетом, гады!» Но я даже не обернулся, я видел лишь бледное, красивое, растерянное

лицо Чиняева и кулаком, продираясь сквозь выставленные вперед руки, бил, бил, бил в это лицо...

Наконец, меня свалили на дрогу, я увидел над собой остроносый ботинок Чиняева и тут же услышал голос Ольги:

– Валера, не надо!

Я совсем забыл про нее. Напомнила Ольга о себе лишь сейчас, спокойным, увещевающим голосом; и если слышалась в нем жалость, то показалась она мне обидной и даже оскорбительной.

Я поднялся на ноги, поискал взглядом шапку. Она валялась в снегу, в стороне от дороги. Я медленно вытер лицо. Ладонь оказалась в крови. Все четверо молча смотрели на меня. Чиняев прикладывал к носу комок снега.

Я поднял шапку, стряхнул ее, но надевать не стал: болел затылок.

– Ну, теперь понял? – прогнусавил Чиняев в руку.

– Понял, что вы – подонки, – сказал я, нагибаясь за снегом.

Тот, что стоял ближе ко мне, толкнул меня в бок ногой, и я не удержался на ногах. Он, наверное, и бил меня кастетом. Я узнал этого парня, фамилия его была Иванов, он был младше меня года на два. До того, как мы построили свой дом, мы жили с ним в одном подъезде. Жили они вдвоем с матерью, был он парнишкой тихим и казался навечно чем-то напуганным. Однажды, когда мы играли в футбол во дворе, он ударил по мячу, сапог сорвался с его ноги и улетел вместо мяча. Мы схватили сапог и стали перебрасывать его друг другу, а Иванов бегал в одном сапоге и со слезами канючил: «Отдайте сапог! Отдайте сапог!» Его потом долго во дворе так и звали «Отдайте сапог!» Теперь это был высокий, угрюмый, совсем взрослый парень.

Я поднялся на ноги – во второй раз – и увидел, что Чиняев и Ольга оживленно беседуют.

– Ольга, – сказал я, – ты ведь не уйдешь с ним?

– Я не уйду ни с кем, – ответила Ольга.

– Ты, Саша, пойдешь сейчас домой. А вы, мальчики, тоже идите. Я пойду одна. Договорились?

Мне стало все равно. Была дикая боль в затылке, перед глазами плавало что-то радужное. Я повернулся и пошел в сторону своего дома с непокрытой головой... Я шел по темной улице и вдруг подумал: она же одна, Ольга! Она же нарочно так сказала, чтобы отделаться от Чиняева и его дружков! Не может быть, чтобы она так вот сразу предала, отказалась от всего, что у нас было... Я бросился бежать. Выскочив на главную улицу, я увидел их спи-

ны: Ольга и Чиняев шли рядом, тесно прижавшись друг к другу.

Дома я разделся – ворот у рубахи был весь в крови – и умылся. На затылке можно было нащупать шишку и ссадину. Но кровь уже не шла.

Я лег в постель. Все, что случилось, должно было случиться. Я никогда не верил в наше с Ольгой счастье, оно казалось слишком ярким, не по мне. Но все равно было страшно обидно и больно, и я, не стесняясь – ведь в доме никого не было, – заплакал.

9

Все воскресенье я провел дома. Нос у меня распух, в затылке ломило. Я долго лежал в постели, курил и думал, что вот все и кончилось, я свободен. Теперь все можно начинать сначала, набело. Я уеду в город. Это я решил еще накануне, перед сном.

Я вдруг почувствовал, как я соскучился по городу, по его прогорклому морозному воздуху, черным бесснежным улицам. Картины прошлой зимы вставали перед глазами: яркая елка на площади, стайка девчат, бегущих в общежитие; я увидел Полину: из-под красной вязаной шапочки выбиваются светлые волосы, иней на них совсем не заметен... Потом я подумал, что когда-нибудь встречу в городе Галю. Это только кажется, что в большом городе трудно встретиться. Осенью нас послали в колхоз, и вот, возвращаясь в свой город на занятия, мы оказались в Абакане. Я знал, что Полина проходит здесь практику, но я не знал адреса ни ее квартиры, ни больницы, где она практикуется. Я пошел по городу и на крыльце первой же поликлиники столкнулся с Полиной... И с Галей мы непременно встретимся: на улице или в очереди за билетами в кино, или в троллейбусе – да мало ли где? Я понял, что никогда не забывал о Гале, и Ольга не смогла ее вытеснить. Может, потому она и ушла от меня....

Эти воспоминания и надежды воскресили меня. Хотелось уже поскорее уехать отсюда, но нужно был дождаться возвращения родителей.

К вечеру явился Витька. Он с порога начал рассказывать своим громким грубым голосом, как сидели вчера с Тоней, вдруг приходит Ольга и говорит, что у Саши вышел конфликт с Чином.

– Я – рвать к парням в общагу. На него, на фраера, многие зуб имели. Вбегаю: «Толпа, кричу, пошли Чина бить!» Спихивалось человек пять, вламываемся во второй корпус. Фирс – знаешь Фирса? – хватает тазик у бачка с водой, да с водой вместе, с окурками (Витька заходит от смеха) – в комнату Чина! Фирс на него весь

тазик вылил! И – понеслось! Я ему здорово промеж рогов врезал, долго будет Витьку помнить!

Он достал из кармана тужурки бутылку ликера.

– Вот, не пил никогда, – признался он, – а дрянь всякую надоело глотать...

Мы сидели за моим столом и пили ликер из дешевых стеклянных рюмок.

– Ну, что я тебе говорил? – радостно кричал Витька. – Про Ольгу-то? Мне она сразу не показалась. Погуляли мы с ней – никакого удовольствия, одна видимость. Думаю: надо завязывать это дело. Хорошо, что ты тут подвернулся... А Тонька, – Витька приблизил ко мне свое лицо с крупными черными порами на носу и подбородке, – во баба!

– Профессионал? – усмехнулся я.

– О-о! Куда с добром! А Ольга? Только видимость одна! Красивая, думаешь? Помнишь, я в городе в больнице лежал? Так там такая сестра была – куда там Ольге! На мандолине играла! И личность у нее была, и все такое. Как ее ночное дежурство – так мы с ней... А что Ольга? Да ты знаешь, что ей в Норильске двадцать четыре часа давали на выезд?

И он уточнил, за что именно Ольге давали сутки на выезд. Я молча пересел на диван.

– Не веришь? Другу не веришь?

– Перестань, – попросил я. – Мне это совершенно не интересно...

До ломоты в костях я ощущал какую-то тяжесть во всем теле. И зачем он приперся, Витька, со своим ликером и дешевой трепотней? Пусть я потерял ее, но хоть это останется со мной: память о красивой, чистой, *моей* Ольге.

Витька понял по-своему мое молчание.

– А ты Витьке не верил! – радостно кричал он.

Он ушел поздно, страшно довольный собой. На Новый год договорились собраться у меня одни, мальчишником. Кроме Витьки, пришли Николай и несколько ребят из плавсостава. Мы с Витькой были в одинаковых узких галстуках – накануне купили в универмаге. К одиннадцати парни ушли в клуб. Я остался один, но долго не выдержал.

В клубе было шумно и накурено. Большинство парней толпились возле буфета и курилки. Елка стояла в центре главного зала. Чтобы освободить для нее место, сиденья сдвинули к сцене, нагромодили в несколько этажей. В другом конце зала группкой стояли девушки. Возле них танцевало несколько пар. Оркестр играл фальшиво и громко.

Я прошел к диванам у сцены, сел и

увидел Ольгу. Они с Тоней стояли отдельно от всех у стены напротив входа. Ольга заметила меня и что-то сказала Тоне, та посмотрела в мою сторону и прыснула. Я поднялся и пошел к выходу.

Ольга подошла, когда я уже был в пальто.

– Что же ты, – сказала она капризным голосом, – даже не поздравишь меня...

– С Новым годом, Оля. Желаю тебе счастья.

– Насчет счастья – серьезно?

Она смотрела на меня с насмешкой и некоторым удивлением. Я выдержал ее взгляд.

– Да. Я действительно больше всего на свете хочу, чтобы ты была счастлива. И еще... Я скоро уеду, так что вспоминай меня иногда. Ведь было же у нас что-то...

– Значит, ты уезжаешь...

Она посмотрела на меня серьезным и долгим взглядом.

– Это правильно, – сказала она. – В городе ты себе такую девочку найдешь, студенточку... Я, наверное, тоже уеду. На Север. Там мужики лучше. Надежнее. А здесь так, пацаны... А меня, знаешь, как держать надо? Обими руками! Чтобы я и не пикнула! И чтобы не я все, а меня...

Мне нужна крепкая рука! – Она усмехнулась, взгляд ее стал странным, блуждающим. – А вы... Разве вы мужики? Подкарауливаете по углам: Оля да Оля, а как слово поперек – так матом! Из-за девченок деретесь, да не по-мужски, а как крысы, все на одного... А как не пойдешь с кем, так хуже бабы какой: да я с такой не стал бы, да она мне не нужна... И это называются мужчины!

Она замолчала, потом спросила, словно очнувшись:

– Так как ты сказал? Чтобы вспоминала тебя?

Я пожал плечами. То, о чем она говорила, ко мне, в общем-то, не относилось, но я все равно ничего не мог возразить ей. Чувство вины за всех нас было во мне, и возникло оно не сейчас, не после ее слов, а в тот вечер, когда я не смог защитить Ольгу, и она ушла с Чином. Я и тогда, и сейчас не осуждал Ольгу, все дело во мне, в моей слабости, неуверенности и неверии в мое счастье с Ольгой...

– А меня ты будешь вспоминать?

– Да, – ответил я, – буду.

– И только по-хорошему?

– Да. Только по-хорошему.

– Ну, смотри. – Ольга улыбнулась. – Дай я тебя поцелую, Сашок.

Она коснулась губами моей щеки. От нее пахло духами и вином.

Я быстро вышел из клуба, прошел несколько шагов и вдруг остановился. Толь-

ко теперь я понял, что Ольги, моей Ольги, уже нет со мной и не будет никогда.

Новый год я встретил совершенно один.

Начальник прочитал мое заявление и сказал, не поднимая головы:

– Уволить я тебя уволю. Можно сказать, с удовольствием. Вон сколько к нам из караванного цеха просятся: и механики, и мотористы, а уж в слесарном деле с тобой не сравнишь...

Он помолчал и вдруг круто повернулся ко мне на стуле:

– Не получилось у тебя с заводом, Парамонов. Не получилось. У нас, понимаешь, – свое, у тебя – свое. Конечно, мы тут виноваты, парнишка ты молодой, помочь надо было. Надо было помочь, надо. – Он опустил голову, помолчал. – Помочь... А как тебе поможешь? Конечно, если бы все у нас было, как должно было быть, – и работа, и оплата, и условия разные, и люди сплошь были сознательными и передовыми... Вот что тебе нужно было. Но я этого сделать не могу, и он не может, – начальник показал на старшего мастера. – Это надо всем нам делать – и мне, и ему, и тебе... А ты вон испугался, что этого нет, и бежишь. И остаемся мы с ним вдвоем, – он улынулся и снова показал на старшего мастера.

– Ну, как же, с вами Харин, – сказал я.

– Харин – это пережиток. Вот и надо, чтобы вы, молодые да передовые, и тон задавали, а не Харин с его кулацкой заваской. А пока вы нос воротите от грязи и беспорядка, мне приходится работать с Харинным, ублажать его, потакать ему, потому что работник-то он замечательный. А вдруг он уйдет в ОГМ, как Дунаев? С кем я останусь? С Парамоновым, у которого взгляды передовые, а руки худые?

– Так ведь Парамонов уходит, – подал голос Петрович, мой мастер, вошедший в «рубку» во время нашего с начальником разговора. – Ты вот пришел, поработал, не понравилось – ушел, в город уедешь, там на хороший завод устроишься, на чистую работу, или в институт вернешься. Голова у тебя светлая, ничего не скажешь. А Харину куда деваться с семьей? Должен я думать, чтобы он в семью заработок приносил? Обязан! А о Парамонове у меня голова не болит, потому как я вижу, человек он временный, сегодня пришел, завтра ушел. Что ему, – он обратился к начальнику, – не захотел учиться – бросил, не понравилось работать – уволился. А я как с 14 лет пошел в масленщики, так мне некогда было рассуждать: батя на фронте, а у матери, кроме меня, еще четыре рта! Вот так вот!

– Да, – сказал начальник; он, видимо, не ожидал такого поворота в разговоре со мной, но теперь уже поздно было начинать сначала.

Он подписал заявление и подал мне.

– Ты, Парамонов, не обижайся на нас, – сказал он. – Мы тут прямо, по-рабочему. Может, чего и не так сказали, так ты подумай и пойми правильно.

Он встал и крепко пожал мне руку. Подошли мастера.

– Эх, молодежь, – вздохнул Петрович, – и чего дома не живетесь? Мои вот тоже разъехались...

– Ты, брат, не хмурься, – сказал старший мастер, – у тебя все еще впереди. Главное: с людьми будь попроще, понимай каждого, тогда тебе и уважение будет, и поддержка во всем.

Спустившись со второго этажа, я лицом к лицу столкнулся с Валерой, мастером механического участка и новым комсоргом цеха:

– Ты что, увольняешься? Seriously?

– Да, – ответил я на ходу, – увольняюсь.

– Ты брось, Саша, брось. Кстати, ты почему не был на собрании? Ты знаешь, сейчас у нас дела должны пойти!

Я шел быстро, он еле успевал за мной и говорил мне в спину горячо, убежденно:

– Мне сначала здесь тоже не приглянулось: одни старики, молодежи мало, да и то каждый сам по себе. А оказалось, главное – расшевелить людей, а там дело пойдет, точно тебе говорю. Зря ты не был на собрании, ребята здорово загорелись...

Я молчал.

– А вопрос твой – про наряды – мы обязательно поднимем. Это понятно, у нас молодых раз-два и обчелся, вот и зажимают. У нас на участке это бы не прошло. В общем, мы решим этот вопрос. А ты оставайся, а?

Я обернулся:

– Да нет, Валера, я уже все решил.

Он остановился:

– Зря! Эх, зря!

Может быть, и зря, думал я на пути к своему верстаку. Странно как-то получилось: такими мелкими показались мне мои беды, обиды... Собственно, из-за чего я увольняюсь? И тут меня даже в жар бросило: рабочие уже узнали, наверное, что я ухожу, будут спрашивать, отчего да почему... А что я им отвечу? Я быстро, чтобы не разговаривать ни с кем, собрал инструмент и понес его сдавать.

Через неделю приехали родители. Разговор вышел невеселый. Мать больше молчала, поджав губы, отец ругался.

Мне было жаль их, грустно, тяжело; хотелось скорее уехать.

Мать поехала в райцентр проводить меня. Она держалась хорошо – ради меня, наверное, – была разговорчивой, оживленной. Вылет долго задерживали. Наконец, позвали на посадку. У лестницы, ведущей вниз, к летному полю, мы простились с матерью, как всегда, без слез и поцелуев. Я спустился вниз и оглянулся. За черной зубчатой стеной леса горело закатное небо; было тихо, красиво, и я почувствовал вдруг, что не хочу в город, не хочу уезжать, что, если бы можно было пересилить стыд и гордость, то я бросился бы обратно в поселок и согласился бы на любую работу, хоть возчиком, на смену Ивану Николаевичу – потому что я любил свой поселок, там был мой дом, мое начало, мои истоки...

Самолет взлетел, сделав широкий круг, и я увидел в окне свой поселок и его золотые огни.

Через десять лет мы приехали в поселок с женой. Поездка поначалу сложилась неудачно. На «Метеоре» оказалось слишком много народа. Ехали студенты-стройотрядовцы, мелькали всюду зеленые спины с надписями *Saiana, Taiga*; в буфете продавали пиво, конец очереди был у самых наших кресел – не встать, не пройти. Мы с женой сидели, смотрели в окно и молчали. Я чувствовал свою вину: уговорил жену прокатиться по реке, а сам не смог ни рейс подходящий выбрать, ни место. Но вот студенты сошли, стало просторнее, мы пересели ближе к окну. Я взял жену за руку: «Надо было лететь, наверное». «Нет, – живо возразила она, повернувшись ко мне с улыбкой. – Мне нравится».

Я успокоился и спросил:

– Хочешь пива?

Она отрицательно покачала головой:

– А ты, если хочешь, выпей.

Когда я вернулся к жене, то увидел, что она разговаривает с каким-то мужчиной. Это был Витька Дворкин. Мы обнялись; от него несло дешевым вином.

– Ну, как ты? Где? – кричал он, и его красное пористое лицо лоснилось от приветливости и благодушия. – Все учишься?

– Нет, – ответил я. – Давно уже закончил.

– А работаешь где?

– Там же, в институте. Преподаю. Кандидатскую защитил.

– А ты знаешь, – сказал Витька, – я ведь тоже в институт поступил!

Я был приятно удивлен:

– В какой?

– В этот... в технический! – выпалил он.

Я усмехнулся. Витька был в своем репертуаре.

Его позвали, и я почувствовал облегчение, когда он ушел; мне стало невовко от этого, но я ничего не мог с этим поделать.

«Метеор» мчался по темной волнующейся воде, и вот уже поднялись за островом над правым берегом водонапорная башня и труба котельной. Там был мой поселок.

«Метеор» обогнул мыс острова, осел на корпус. Жена повернулась ко мне с улыбкой, показала рукой:

– Вон там...

– Да, Галя, там...

На месте великолепно, блиставшего белым песком пляж был просто мокрый и грязный берег, с прибитыми к нему водой бревнами, с поленицами дров у самой воды. Но именно здесь мы когда-то встретились впервые – давным-давно, когда казалось, что все еще будет когда-нибудь, потом, там, впереди...

На могилах родителей закончилось старое кладбище под могучими соснами. Одним из первых на новом погосте – голлом, без деревьев, без тени, – был похоронен Афанасий Дунаев. Отведенная под новое кладбище площадка заполнилась неожиданно быстро, свежие могилы появились у самой дороги на пути к родителям. Я остановился, прочитал: «Николай Сергеевич Новиков». Мой напарник. Я уехал, а он остался, женился, купил мотоцикл, получил хорошую квартиру; судя по богатым похоронам – за венками почти не видно добротного сколоченного креста – семья не бедствовала.

К трем часам мы с сыном закончили все дела, я сделал несколько снимков и предложил съездить к реке, умыться. Мы ехали, и я рассказывал сыну, что вот сюда нас гоняли школьниками на картошку, а сюда мы с ребятами ходили рыбачить. Умылись, и я попросил сына вернуться в поселок по берегу; мне хотелось показать сыну тот пляж, но оказалось, что теперь

на его месте нефтепричал, и мы не стали делать остановку, и я ничего не сказал сыну...

Мы плотно перекусили в кафетерии, и я вышел прогуляться.

– Я с тобой, – сказал сын.

И мы пошли с ним по поселку, здороваясь со всеми встречными, и вряд ли кто узнавал меня, мне же лица моих ровесников и тех, кто постарше, казались до боли знакомыми, хотя вряд ли с кем из них я раньше встречался и общался.

На углу у клуба стояла серебряная иномарка. Из нее вышел крупный, коротко стриженный мужик в тонком дорогом свитере, и я узнал в нем Витьку Дворкина.

– Слушай, отец, – обратился он ко мне, – как нам к банку проехать?

– Так банк не работает в воскресенье, – сказал мой сын.

– Да у меня там друг в охране служит.

Я пригляделся: конечно же, никакой это не Витька. Тому далеко за шестьдесят, а этот бугай – ровесник моему сыну.

– Ты, случайно, не Дворкин?

– Дворкин! Вот, приехали на кладбище, деда с бабкой попроведать.

– А... – Я замялся, и Витькин сын все понял:

– А отец в прошлом году умер, на Бадальке похоронили.

Бадальк было новое городское кладбище, голое и неуютное.

– Мы вот тоже, – сказал я, – только что с кладбища...

Постояли, помолчали и разошлись. Останься мы с Витькой в поселке, наши дети играли бы вместе, учились, дружили, как мы когда-то с Витькой. Но тот к тридцати годам тоже осел в городе, устроился слесарем в домоуправление, получил служебную квартиру; я даже был в ней однажды, а потом наши пути разошлись, и как оказалось теперь, навсегда...

Обратная дорога показалась неожиданно тягостной и долгой. И все время думалось, что я сделал что-то не так, виноват в чем-то, обидел кого-то, и от того, что не мог сказать конкретно: что, в чем и кого, на душе было еще тяжелее.

1976, 2009